

Татьяна Николаева

Стилистическая трансформация церковнославянизмов в произведениях демократической сатиры

Studia Rossica Posnaniensia 29, 117-122

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ САТИРЫ

STYLISTIC TRANSFORMATION OF OLD CHURCH SLAVONIC LEXIS IN THE WORKS OF DEMOCRATIC SATIRE

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВА

ABSTRACT. On the material of the works of the second half of the 17th century democratic satire the unexplored question of the functioning of Slavonicisms (words derived from Church Slavonic) as a new stylistic category, the means of parodying and satirical exposure, is considered. As a result they exceed the limits of the traditional marking of "the high" style which finally brings to their dechristianization and neutralization.

Татьяна Николаева, Казанский государственный университет, корп. 2, Филологический факультет, Кафедра истории русского языка и языкознания, ул. Кремлевская 18, 420-098 Казань – Россия.

„...В национально-демократических стилях русской литературной речи конца XVII века система церковнославянского языка выступает не только как замкнутая сфера архаичных форм церковно-богословского выражения, но и как основной структурный элемент национальной общественно-бытовой речи”¹, – писал В.В. Виноградов, имея в виду, по всей вероятности, такие произведения, как *Праздник кабацких ярыжек*, или *Служба (Гимн) кабаку*, *Калязинская челобитная*, *Сказание о Куре и Лисице*, в которых церковнославянские архаизмы составляли основу и служили для обличения различных пороков общества. Это новое в истории языка явление, которое до сих пор остается неизученным, если не считать малоизвестной работы Н.А. Орловой², объектом исследования которой был *Праздник кабацких ярыжек*.

Что касается учебников и учебных пособий по истории русского литературного языка³, то они в худшем случае игнорируют вопросы, связанные с де-

¹ В.В. Виноградов, *Очерки по истории русского литературного языка XVIII-XIX вв.*, Москва 1938.

² Н.А. Орлова, *Стилистическое использование книжной лексики в сатире XVII в. (на материале повести „Праздник кабацких ярыжек“)*, „Rusko-České Studie. Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk a literatura” 1960, № 11.

³ В.В. Бродская и С.С. Цаленчук 1957, В.Д. Левин 1964, А.И. Горшков 1964, А.И. Ефимов 1971, Боек, Флекенштейн, Фрейданк 1974, Б.А. Ларин 1975, Е.Г. Ковалевская 1978, Н.А. Мещерский 1981, А.Н. Кожин 1989 и др.

нениями авторов демократической сатиры, в лучшем – освещают их весьма односторонне, обращая внимание лишь на проникновение в памятники сатирического жанра элементов живой разговорной речи.

Утверждение Ф.П. Филина о том, что в „указанную эпоху употребление церковнославянизмов ограничивается церковно-богослужебной литературой”⁴, вызывает недоумение, тем более, что оно противоречит другому, опубликованному в работе того же года издания: „... в XVII веке впервые церковнославянизмы начинают сознательно использоваться как стилистическое средство пародии”⁵.

Ясно одно: без учета анализа, оценки деятельности авторов сатирических произведений не может быть создана реальной картины состояния русского литературного языка в начальный период его формирования.

Кризисная ситуация системы церковно-книжного стиля XVII века определялась целым рядом обстоятельств: с одной стороны, культивирование высшим духовенством „высокой” риторики, продолжающей традиции византийского „витийства”, сталкивалось со стилями церковно-книжной речи, шедшими с Украины; с другой – европейские течения из Польши, усложнившие процесс взаимодействия церковно-литературных и светско-деловых стилей. И на этом фоне – поистине революционный процесс, благодаря которому с церковнославянизмов снимается покров книжности, им предоставляется возможность выхода за пределы рамок традиционных жанров, они могут функционировать не только в качестве „высоких”, но и других стилистически маркированных элементов, что свидетельствует об их дехристианизации. Эта реформа, расширившая диапазон употребления архаичных форм и слов, разрушившая единство их семантики и использования, привела к такой языковой ситуации, которую через два столетия К.С. Аксаков охарактеризует следующим образом: „Церковнославянский становится орудием произвольных вымыслов [...] поразительно звучат в нем, резко противопоставляясь с его характером и формами, тривиальные родные и иностранные слова и выражения, на которых лежит печать современности. Этот беспорядок, это странное, будто бы разрушающееся состояние указывает на новую их жизнь”⁶.

Необходимо заметить, что изучаемые памятники демократической сатиры неоднородны по своему составу. Объектом нашего исследования явились те, которые представляют наиболее богатый материал, свидетельствующий о нарочитом, целенаправленном употреблении славянизмов для обличения различного рода бытовых реалий (см. указания на источники на с. 1).

Говоря о мастерском, искусном использовании авторами средств для создания сатиры, мы опускаем описание чисто технических приемов, напри-

⁴ Ф.П. Филин, *Проблемы исторической лексикологии русского языка*, „Вопросы языкознания” 1981, № 5, с. 47.

⁵ Ф.П. Филин, *Истоки и судьбы русского литературного языка*, Москва 1981, с. 118.

⁶ К.С. Аксаков, *Языкознание в истории русской литературы и русского языка*. В: его же, *Собрание сочинений*, т. 2, Москва 1875, с. 275.

мер, включение стихир и запево, традиционных религиозных зачинов, молитв и песнопений.

Обратимся к анализу лексико-стилистических средств, используемых авторами. Наиболее типичный прием – включение в контекст церковнославянизмов таким образом, чтобы они сочетались со стилистически разнородными элементами: нейтральными, просторечными, иногда – бранными словами. Характерно, например, такое предложение: „Святой отец с ярыжками познался... сажу и руду на полатях претерпел еси” (82). Или: „Днесь пьян бывает и богат вельми, а как проспится, перекусить нечего” (63)*.

Столкновение книжных лексем: *егда, дерзание, воспевати, вечерня, благозвоние* с бранными: *болван, ублюет, рожки, псы, собачьи губы* создает комический эффект и одновременно нейтрализует высокие элементы речи.

Разрушение традиционных семантико-стилистических единств авторы проводят путем включения книжных лексем в новые синтаксические структуры: *шлем суд нелицемерен – шлем дурости, щит непобедим преподобне – щит наготы, поострит же напрасен гнев – поострит кулаки на драку или: кропивным венцем – соломенным венцем*. В результате такой сочетаемости иногда создается семантико-стилистическая антитеза: *в руце божии – в руках бесовских*.

Для данных повестей вообще характерно соположение слов с антитезным значением, в результате чего образуются стилистические фигуры на уровне оксюморонных. Противоречивость, несовместимость компонентных сочетаний актуализирует их алогизм, придает им окказиональное звучание: *гнилая чудеса, всеночное пиво, ночь неразумия, запечная звезда*. Еще в большей степени алогические ассоциации создаются сочетаниями типа: *процветете убожеством, кафизма пустошная, свет наготы, кнутом венчают, побоями почитаем*. В окружении просторечных лексем, создающих живописную картину состояния пьяниц, церковнославянская лексика теряет свою высокую стилистическую маркированность: „Мы же глаголем: зевается с похмелья, испитися хошет, взять негде” (79).

Столкновение церковнославянизмов с народно-речевыми элементами способствует тому, что исконно церковные лексемы подвергаются семантизации и приобретают новое значение. В повести включаются канонические тексты, в которых с помощью славянизмов создается колорит богослужения, подвергающегося пародированию. При описании литургии вырисовывается и герой – ярыжка, утрачивающий свое человеческое обличье по мере приобщения к „зеленому змею”.

* Здесь и далее примеры цитируются по изданию: В.П. Андрианова-Перетц, *Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.*, Москва–Ленинград 1937. Тексты канонической литературы приводятся из книги: А.А. Гитов, *Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву*, вып. 4, Сергиев Посад 1897.

В процессе реализации задачи „высоких” лексем – обличения пороков происходит их материализация, сопровождающаяся изменением семантики. В этом убеждает сравнение текстов *Часослова* и *Службы кабаку*: „Ишед благовестит в колокол даже звонит во все колокола три звона...”. Ср.: „На малей вечерни поблаговестити в малые чарки, также позвоним в полведришка пивижка” (61). Глагол *благовестити* традиционно (по Срезневскому) означает: 1) ‘возвещать, сообщать радостную весть’; 2) ‘объявлять о поставлении архиерея’; 3) ‘ударять в колокол, возвещая верующих о начале богослужения’. В *Службе* – это призыв на общее питие. Стилистической сниженности глагола способствует здесь и префикс *по-* с временно ограничительным значением.

Утрачивают церковную семантику такие лексемы, как *отпустъ* (в *Часослове* – это заключительное благословение после богослужения, в *Празднике* – лишение одежды, ее пропивают пропойцы); *очистити* (избавить от греха, здесь – обворовать, оставить без средств); *просветити* (прославить, у сатириков – связать, лишить действия); *уповать (на бога)*, здесь – „- Да уповаает пропойца на корчме испити лохом” (61).

Процессу подобной семантизации способствуют: а) утрата глагольной переходности на объект: *терпя – потерпел господа (Служ. Минея)* – *по сем псалом избранной, терпя на кабаке живучи (Служба кабаку)*, б) изменение объекта действия: ср. *дерзновение ко господу* (просьба, мольба) – *дерзновение к нагоме* (стремление к кабаку), в) изменение субъекта действия *Часослов*: *да уповаает (Израиль) на господа* – *Служба кабаку*: *Да уповаает [пропойца] на корчме*, г) изменение субъекта, к которому обращена речь: *величаем тя, пророче божии – величаем тя, кабаке*.

В процессе семантизации неизбежно появление энантиосемии. так, в *Службной Минея*: *расточити* – подарить, передать, обогатить, в *Службе кабаку* – пропить, растратить, уничтожить; ср. также: *почитать* – чтить, уважать, оказывать почести и унижать, избивать; *благодать* – обилие, достаток и беднота (*и в нищете пребудут, яко благодать на полатях*).

Наиболее известные ритуальные фразеологические сочетания подвергаются пародированию. Ср.: *Часослов*: „Слава отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков”, в *Празднике кабацких ярыжек*: „Слава отцу и матери их и сыну, что родили такова сына, охоч до пьяна пити, вчера и ныне пьет и с нами и во веки аминь” (76).

Любопытна семантика лексемы *житие*: „...житием своим произвели, яко голики, чем баню метут, тако и вами, пропойцы, что вами диру затыкают...”. Исконно церковнославянское слово, зачастую фразеологически обусловленное в сочетании „житие святых”, является в тексте носителем отрицательной экспрессии. Особенно эта негативность проявляется в неожиданных сочетаниях, создающих метафорические образы и разрушающих семантико-стилистическое единство: *житие свинское, житие собачье*.

Один из ярких авторских приемов – повтор однокоренных глаголов, осложненных различными приставками, чем достигается актуализация как

самого глагола, так и глагольного управления в системе его образно-понятийных связей. Высмеивая духовенство и проповедника-попа в образе лисицы, автор характеризует ее речь плетением словес с обильным цитированием из *Священного писания*. Елейность, неискренность монолога подчеркивается анафоричными основами и церковнославянскими префиксами (подобная структура – древнейший вид оформления синтаксической связи глагола с объектом действия – существительным, весьма распространенная и в фольклоре, и в диалектах всех славянских языков): „Я, яко мати, чадо святое, с любовию восприму, и на покаяние к себе прииму, язвы твои греховныя изыму” (86). Этот прием традиционно сложившегося искусства позволяет оживить внутреннюю форму слова, этимологизировать его, обнажить основу. Пересечение нескольких производных регенерирует семантику, типизирует явление, представленное и на лексическом, и на словообразовательном уровне.

Анафорические повторы достаточно широко представлены и префиксами: „**воз**веселимся, в мале сотворим с плеч **воз**ношение, **воз**ложим сущую же, **воз**дуряем пропойцу”. Обращает на себя внимание сочетаемость исконно книжного префикса *воз-* с народно-разговорной мотивирующей основой в слове *воздуряем*, что приводит не только к утрате закрепленности морфем за определенным стилем, к расширению сферы его использования, но и к его экспрессивной направленности.

К этому же явлению можно отнести и образования с суффиксами *-тель*, созданные по продуктивной модели и характеризующие кабак или ярыжек и их действия: *разлучитель, разоритель, лунитель, -(e)нц(е): бесование, пхание, пропивание, плясание, грязнение, -ств(о): дуровство, шалство*.

Количество авторских приемов можно было бы значительно увеличить. Это: а) образование сложных слов, созданных по продуктивной модели древних образований способом трансфиксации с первым компонентом *благо, бо-го, добро, славо* (*благотупие, славоблудие, добронитие*), а также мотивированных глагольно-именными сочетаниями: *древодельцы, смехотворцы*, пополнившими словарный запас русского литературного языка;

б) обилие развернутых эпитетов, вплетенных в риторические фигуры. Созданные по образцу житийных воспеваний эпохи начала Московского государства, они приобретают сатирическую окраску в связи с перенесением их в сферу низменных бытовых реалий: кабак – „грехуучитель, душевному дому разоритель, аду сопристойниче, сатане собеседниче, диаволу спутнице, душам губителю” (67);

в) дублетность, параллелизм слов, обозначающих одну и ту же номинацию, принадлежащих к разным стилистическим пластам: *чрево – живот – брюхо*;

г) воспроизведение «интонационной организации» церковного текста. *Часослов*: „Святыи боже, святыи крепкий, святыи бессмертныи, помилуй нас”.

Ср. в *Празднике кабацких ярыжек*: „Свяже хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуй нас, голянских” (76).

Вероятно, недостаточно ограничивать значимость деятельности авторов демократической сатиры „борьбой против старых книжных традиций и попыткой демократизации литературного языка”⁷. Здесь важно другое. Чрезвычайно широкое и целенаправленное использование церковнославянизмов для пародирования, сатирического обличения переводит их в качественно иную стилистическую категорию, благодаря чему они выходят за рамки традиционного маркирования „высокого”, что в конечном счете приводит к нейтрализации и дехристианизации ранее локально функционирующей лексики.

Нельзя не отметить и того, что впервые в истории русского литературного языка был нанесен удар по церковно-книжному стилю, что в немалой степени предопределило его разрушение уже в XVIII столетии.

Остается только сожалеть, что в работах, посвященных функционированию „высокой” лексики в XVIII веке, ни слова не говорится о расширении стилистических функций церковнославянизмов. Дается традиционное определение узких рамок использования стилистически маркированных элементов: а) с экспрессивно-стилистическими целями – для создания высокого слога; б) с эстетическими – для создания языка поэзии⁸.

Безусловно, указанное стилистическое функционирование славянизмов в качестве средств организации сатиры имело свои традиции, о чем говорят творческие поиски М.В. Ломоносова в создании сатирических образов, которые нарушили предначертания „высокой” миссии церковнокнижных языковых средств и вывели их за рамки созданной им самим строгой стилистической системы, тем самым обнажив ее ограниченность.

⁷ Н.А. Орлова, указ. соч., с. 347.

⁸ В.В. Замкова, *Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века*, Ленинград 1975; Е.Г. Ковалевская, *О судьбе „высокой лексики” в истории русского литературного языка XVIII–XX вв.* В: *Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка*, Ленинград 1984.